

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Идея "конца истории" и новоевропейская концепция человека

Пигалев Сергей Александрович

Студент

*ВГУ - Волгоградский государственный университет, Институт философии,
социологии и права, Волгоград, Россия*

E-mail: serge1403@mail.ru

В 1992 г. американский философ Ф. Фукуяма опубликовал монографию, в которой заявил о наступлении «конца истории» [8]. Победа либерального мировоззрения является, по Фукуяме, высшей точкой экзистенциальной эволюции человечества. История как сфера, в которой возникают, взаимодействуют и развиваются *смыслы*, заканчивается. Наступает эпоха постистории и постчеловека – существа, основной характеристикой которого является *экзистенциальный покой*.

Фоном концепции Фукуямы является определенное понимание человека. Так, по его мнению, основным содержанием человеческой жизни является «жажда признания» – агрессивное стремление навязать себя Другому, опередив его в конкурентной борьбе. Описывается это так: «Человек есть в основе своей животное <...> общественное, но его социальность ведет не в мирное гражданское общество, а ввергает в смертный бой ради всего лишь престижа» [Фукуяма, 2004. С. 233]. Конкуренция, возникающая на основе данного процесса, порождает историю, которая закончится, когда всеобщая «жажда признания» будет удовлетворена, и все будут признаны всеми. Тотальное признание оказывается возможным только в пределах «универсального и однородного государства», основанного на толерантности.

Возможность такой общественной системы вызывает вопросы – в смысле экзистенциальной цены. Фукуяма пишет: «<...> Комплекс этических привычек (более общее название – «культура») традиционно считались препятствиями на пути установления политических институтов демократии» [Фукуяма, 2004. С. 19]. Всеобщее признание оказывается возможным только путем ампутации культуры, пространства смыслов и идеалов, делающих возможным экзистенциальное измерение как таковое. Это неизбежно, поскольку принцип смысловой вертикали «требует различать лучшее и худшее, добро и зло, а это видимым образом нарушает демократический принцип толерантности» [Фукуяма, 2004. С. 458]. Уничтожение идеального предстает в качестве хотя и печальной, но все же необходимости.

Антропология Фукуямы не является его изобретением; ее корни уходят в эпоху модерна. Именно тогда сложилась концепция человека, которую можно назвать агрессивным индивидуализмом. Зарождающийся капитализм требовал идеологического обоснования нового типа общественных отношений, а это обоснование было невозможно без специфического понимания человека. Всем известен Т. Гоббс и его теория «войны всех против всех». Согласно Гоббсу, человек – это существо злобное и агрессивное: «Если два человека желают одной и той же вещи <...>, они становятся врагами. На пути к достижению их цели <...> они стараются погубить или покорить друг друга» [Гоббс, 1991. С.94].

Здесь ничего не сказано о борьбе за признание, однако, на наш взгляд, образ человека-атома, считающегося исходной и единственно подлинной реальностью, является фунда-

ментом, без которого не могла возникнуть теория Фукуямы. Согласно Гоббсу, на определенном этапе «война всех против всех» приводит к образованию государства, чудовищально-левиафана, которое жестко ограничивает конкуренцию. Так возникает фундаментальное для модерна понимание общества как вторичной, репрессивной «надстройки» над «базисом» индивидуальности. Неотъемлемой чертой новоевропейской концепции человека становится идея противостояния частной воли и подавляющих ее макроструктур, время от времени находящая выход в нигилистических и анархистских теориях.

Впоследствии возникают более утонченные конструкции, согласно которым конкуренция эгоистичных социальных атомов является фактором, порождающим социальное благо. Яркими примерами являются теория «невидимой руки рынка» А. Смита [7] и «Басня о пчелах» Б. Мандевиля, в которой сказано, что «добро возникает и прорастает из зла так же естественно, как цыплята из яиц» [Мандевиль, 1974. С. 105].

Представляется, что ту же самую линию развивает и Г. В. Ф. Гегель с его теорией «хитрости разума». Именно у Гегеля впервые появляется идея «конца истории», которую затем развивает неогегельянец и «учитель» Фукуямы А. Кожев. Кожев разрабатывает концепцию «жажды признания» и характеризует человека как «ничто» («это ничто – ничтожествуящее в бытии» [Кожев, 2003. С. 110]). Любопытно влияние, оказанное Кожевым на европейскую философию XX в. Как подчеркивает В. Россман, «<...> после лекций Кожева французская литература заселяется новыми героями, людьми-ничто, лиминального опыта, немотивированной негативности» [Россман, 1999. С. 26].

Речь идет о так называемых «новых левых», являющихся тем фундаментом, на котором вырастает постмодернизм. Оказывается, несмотря на философское «сведение счетов», либерализм и постмодернизм имеют общую точку соприкосновения, и этой точкой является философская антропология Кожева.

Примечательно, что образ человека в построениях современного неолиберализма (например, лишенный всяческих «привязок» новый кочевник в теории Ж. Аттали [1]) очевидным образом переключается с теорией ускользающего от деспотического центра «шизофреника-номада» Ж. Делеза и Ф. Гваттари [3]. На наш взгляд, за рассуждениями о шизоанализе и деконструкции, за разоблачениями «власти» и «тотальности» просматривается доведенный до абсурда принцип конфликта воли и ограничивающих ее макроструктур, порожденный новоевропейской концепцией человека.

В своих разоблачениях механизмов власти постмодернизм оказывается не менее агрессивным, чем критикуемая им «тотальность». Если либерализм осуществляет экзистенциальное «снижение», то постмодернизм полностью «расчеловечивает» человека во имя его парадоксального освобождения. Представляется, что это далеко не безобидный процесс; это ставит нас перед необходимостью поиска альтернативных концепций человека.

Литература

1. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
2. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1991.
3. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М., 2010.

4. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003.
5. Мандевиль, Б. Басня о пчелах. М., 1974.
6. Россман, В. После философии: Кожев, «конец истории» и русская мысль // Неприкосновенный запас. 1999. №5. С. 21 – 26.
7. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.